

СБОРНИК НАУЧНЫХ
ТРУДОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ЮБИЛЕЮ
МАРИИ ЛЬВОВНЫ
ҚОВШОВОЙ

ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА

**Сборник научных трудов,
посвященный юбилею
Марии Львовны Ковшовой**

Москва

2022

УДК 81
ББК 80

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением науки
Институтом языкознания РАН*

Редакционный совет:

д.ф.н., проф. В.З. Демьянков, д.ф.н. Т.Е. Янко, к.ф.н. П.С. Дронов,
к.ф.н. О.С. Орлова

Ответственный редактор:

к.ф.н. О.С. Орлова

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Н.Г. Брагина (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина)
д.ф.н. Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. — 340 с.

Настоящий сборник посвящен юбилею доктора филологических наук Марии Львовны Ковшовой, выдающегося российского ученого, теоретика языкознания, фразеолога, ведущего специалиста лингвокультурологического направления. Проблематика сборника отвечает научным интересам М.Л. Ковшовой. В книге рассматриваются актуальные проблемы современной теории языка: вопросы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, лексикографии; изучаются культурные аспекты семантики фразеологизмов и паремий; описывается язык поэзии и прозы, духовных текстов; развитие языка в пространстве интернета. Книга адресована специалистам в области теории языка, лингвокультурологии и широкому кругу читателей, интересующихся взаимосвязью языка и культуры.

Language. Human. Culture. The book devoted to the anniversary of Maria L. Kovshova. — 340 p.

The book is dedicated to the anniversary of Maria L. Kovshova, an eminent Russian scholar, a renowned linguist, phraseologist and a leading specialist in linguocultural studies. The range of aspects described in the book coincides with scholarly interests of M. Kovshova. The book deals with relevant issues of modern linguistic theory: issues of linguocultural studies and cognitive linguistics, lexicography; studies of cultural aspects of semantics of phraseological units and paroemias; the description of the language of poetry and prose, religious texts; the development of language in the internet. This book is intended for specialists in theoretical linguistics and linguocultural studies, as well as for lay audience interested in the interaction between language and culture.

ISBN 978-5-907590-33-5

© Институт языкознания РАН

О креативности обыденной мудрости*
On creativity of conventional wisdom

Аннотация

От культурных конвенций зависят не только формы взрослой коммуникации, но и формы общения взрослых с детьми. «Поучения», которые дети слышат от своих воспитателей, по форме и по содержанию не полностью универсальны и сильно различаются даже между ближайшими соседними культурами. Разнообразие жанров подачи этой обыденной мудрости в немецкой культуре демонстрируется на фоне русских поучающих клише, используемых в разговоре с детьми.

Conventional wisdom contained in everyday communication of adults includes certain culture-dependent conventions of conveying educationally relevant information to children. German conventional wisdom contained in German clichés (i. a. in proverbs) used by mothers to talk to their children does not always coincide with Russian educational wisdom.

Ключевые слова

Креативность речи, контрастивное исследование немецких и русских поговорок и поговорок, культурная обусловленность обыденной мудрости, речевая коммуникация взрослого и ребенка

Speech creativity, German and Russian contrastive study of proverbs, cultural dependency of conventional wisdom, adult-child verbal communication

1. Когда адресат речи — ребенок

Представьте себе на минуту, что вы сидите на каком-нибудь ученом совете, и ваша соседка справа вам говорит: «Передайте мне, пожалуйста, текст протокола. Считаю до трех: Раз. Два. Два с половиной...» Что бы вы подумали?

Правильно: это речь, обращенная к ребенку.

Вспомним еще знакомый с детства диалог «*А кой тебе годик?*» — «*Шестой миновал... Ну, мертвая!*» — крикнул малюточка басом, / Рванул под уздцы и быстрей зашагал (Н.А. Некрасов, Крестьянские дети, 1861). Вопрос о возрасте *А сколько тебе годков?* явно обращен к ребенку. Он был бы неуместен в ЗАГСе или в МФЦ. Взрослые испытывают смешанные чувства, слыша от ребенка недетскую речь, которая уместнее была бы в устах какого-нибудь заматеревшего взрослого: игра истинного и переносного смысла у прилагательного *мертвая* вряд ли доступна ребенку в сегодняшнем русском узусе.

*Разделы 1 и 2 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 3, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Зная, что перед ним ребенок, взрослый становится выше ростом, ощущает себя мудрее и дальновиднее, чем обычно: ведь он должен наставить на путь истинный «неразумное дитя». Неравноправие коммуникантов иногда компенсируется смягчающими тактиками общения, с демонстративно повышенной благорасположенностью и хотя бы напускным уважением интересов ребенка [Furth 1983: 169]. Эту грубоватую установку как может имитирует подросший человек по отношению к младшему собеседнику: послушайте разговор старшей пятилетней сестры с трехлетней младшей. Подражают же тем, кого признают сильнее, опытнее и «главнее» себя, не всегда, впрочем, понимая, почему. Весь мир облетели слова малыша в ответ на вопрос, хочет ли он, чтобы у него появился младший братик: «Да хотелось бы пожить для себя».

Дидактичность как обязательная нагрузка отличает общение с ребенком «сверху вниз» от серьезного разговора между собой у взрослых. И неадекватность в этой области приводит не только к комичным последствиям.

При этом специальный регистр коммуникации с детьми не универсален, в разных национальных культурах он свой — по форме (как говорят, какие конструкции и лексемы употребляют) и по содержанию (о чем говорить с детьми принято, а о чем до поры до времени не стоит). Многое из того, что подумала бы и сказала бы русская мать, немецкой никогда даже в голову бы не пришло. И наоборот. А нравы папуасов Новой Гвинеи в описаниях этнологов нашего детского психолога приведут в отчаяние.

Речь взрослого с детьми — не то же, что речь детей, или «детская речь», которая давно уже стала особой областью психолингвистических, грамматических, словообразовательных и особенно лексикологических исследований. Вспомним и классические работы, напр., [Гвоздев 1961], и собрание интереснейших материалов К.И. Чуковского [Чуковский 1961]. Особая область интересов — контрастивное исследование русской и немецкой детской речи, дающее много поучительного для взрослых.

Здесь мы остановимся на одном из жанров общения взрослых с детьми: на поучениях, на том, что и как говорят детям их взрослые наставники.

Как показала М.Л. Ковшова, поучения можно разбить на несколько классов, из которых назовем два: пословица и поговорка. А именно: «Пословица имеет право поучать — она выражает не мнение отдельного лица, а массовую народную оценку действительности, создает поучительную формулу, прилагаемую к разным конкретным ситуациям. Поговорка иносказательно описывает происходящее в действительности, учит, но без суждения, без заключения, без приговора (по выражению В.И. Дала)» [Ковшова 2019: 7]. Иначе говоря, алгоритм будущих действий, эксплицитное предписание пословицы (тех, кто этим жанром злоупотребляет, называют занудами, говоря, что они любят пилить) противопоставляется небуквальности в понимании поговорок, а экспертов в этой области часто называют балагурами. По этой же линии можно разграничить и поучения, адресованные ребенку.

Поучение передается сверху вниз и поэтому так странно звучит в общении взрослых. Тогда идет в ход ритуальный избитый креатив: «Не учи ученого...», который, наоборот, в детском исполнении столь забавен. Если же поучающий значительно моложе поучаемого, неплохо, подобно ушату холодной воды, поможет поговорка (или поговорка?) «Яйца курицу учат».

2. Взрослое и детское в коммуникации

Когда пишут об усвоении языка детьми, постоянно призывают не смешивать «взрослую» грамматику изучаемого языка с «детской», «незрелой» грамматикой «языка ребенка» [Radford 1990: 3]. В частности, оказывается, что ребенок даже «анализирует» (в том числе, и взрослые) предложения не так же, как его взрослый собеседник [Radford 1990: 48]. То же можно сказать и о манере речи, которая, как можно подозревать, тоже взрослыми и подрастающими воспринимается по-разному. Где не хватает чисто вербальных средств (да и даже если их с избытком хватает), в ход идут жесты разной степени зрелости, своеобразный пиджин, подверженный столь же серьезному взрослению, что и звуковая речь, ср. [Lieberman 1984].

Взрослый, ощутив дефицит аргументов и нужных слов, при остальных равных условиях жестикулирует иначе, чем ребенок и смешно смотрится, имитируя ребенка. Плюс к тому, детская коммуникация имеет свои стандарты правдивости и справедливости, следования детским правилам и незрелым принципам, которые в поведении взрослых выдают инфантильность.

В научной литературе выделяются специфические шаблоны и образцы «усвоения поведенческого репертуара» (behavioral repertoire acquisition) [Marshall 1970: 239], которым следует языковое общение взрослых с детьми. Эти форматы зависят от стадии освоения вербальной коммуникации ребенком, от адаптируемости взрослого к «чужой», детской логике и от динамики развития ребенка, см. [Hausendorf, Quasthoff 1991: 253]. По мнению Пиаже, дети младше 6 лет прибегают скорее к физическим действиям и в лучшем случае к самым примитивным аргументам, когда отстаивают свою позицию в споре [Piaget 1989]. Способность посмотреть на мир чужими глазами приходит только при взрослении, сопровождающем когнитивное становление, осознание своей роли в окружении и т. п. [Saville-Troike 1986: 135 – 136]. Обзор функций речи ребенка, целей, которых дети в общении с другими достигают, см. [Ogilvie 1984: 241 – 245].

Как показывается в некоторых исследованиях [Benoit 1984: 305], выясняя отношения между собой, дети чаще прибегают к атакующим ударам, чем к защитным, и каждая атака должна быть, по правилам такой «игры», по возможности, достойно отражена, желательно даже с избытком. Чем моложе ребенок, тем больше у него эпизодов угроз. При этом девочки, резервируя силы для иных, более эффективных последующих атак, чаще мальчиков без вербального боя выходят из общения. Угрожая, чаще всего по-плакатному ярко обещают нанести урон, немного реже — лишиться возможности пользоваться чем-нибудь, в два раза реже — пожаловаться «кому надо» [Benoit 1984: 314 – 315].

3. Немецкие поучения детям в сопоставлении с русскими

Теперь кратко остановимся на том, как и что говорят немецкие родители (чаще матери) своим маленьким и взрослым детям и что в таких случаях говорят (или могли бы сказать) их русские коллеги. Материалом послужила подборка под названием “Muttersprache: 100 Sätze, die nur Mütter sagen” («Родной язык: 100 предложений, которые говорят только матери»), опубликованная в День матери 13 мая 2007 г. в газете “Bild am Sonntag”, с.12 – 14. Перечисленные в ней речевые штампы очень разнообразны, бытового смысла некоторых из них иностранцу доступен не с первого захода¹. Приводимый материал позволяет составить представление о том, какие формулировки и смыслы должна иметь под рукой мать, даже если ребенок уже давно вырос. Я снабдил эти единицы русскими глоссами, передающими их буквальный смысл, и попытался найти хотя бы отдаленные соответствия, имеющие хождение в русских семьях с детьми. Не все немецко-русские соответствия и несоответствия абсолютно (не)предсказуемы, имеются интересные сходства и различия, демонстрирующие представления немецких и русских взрослых о том, какой мудростью стоит срочно поделиться с детьми, что лучше пока оставить при себе и чем делиться вовсе не стоит.

Из материала видны сходства и различия не только «пропозиционального содержания» жизненных инструкций, но и в перспективе подачи поучений, содержащих явную или скрытую оценку желаемых и наблюдаемых действий человека в этом мире.

Приводимый ниже список иногда покажется не совсем детским. Ведь немецкие матери говорят с детьми о некоторых недетских проблемах, возможно, раньше, чем русские матери. Главной презумпцией к пониманию этих реплик является: «Ты этого еще, может, не знаешь, но тебе пора это знать».

3.1. Негативные рекомендации (запреты)

Это формулы типа «Так-то не делай!» и «Делай не так!»

Iss nicht so viel — (букв. Не ешь так много) Не передай.

Nicht die Stirn runzeln, das gibt Falten. — (букв. Не морщить лоб, это приносит морщины) Не морщи лоб, будут морщины!

Sei nicht so albern. — (букв. Не будь таким глупеньким) Не дурачься!

Pass auf, dass du nicht kleckerst. — (букв. Обрати внимание, чтобы не налякаться) Смотри не напачкай.

Messer, Gabel, Scher und Licht sind für kleine Kinder nicht. — (букв. Нож, вилка и огонь не для маленьких детей!) Ножи, вилки, ножницы, спички — не для детей!

Man isst nicht mit offenem Munde = Wenn der Vogel isst, dann singt er nicht. — (букв. С открытым ртом не едят. = Когда птица ест, тогда она не поет.) Когда я ем, то глух и нем.

¹ Большую помощь в выяснении реального смысла, вкладываемого в немецкие фразы в немецких семьях, мне оказала Марион Рутц, за что ей огромное спасибо.

Man zeigt nicht mit nackten Fingern auf angezogene Menschen. — (букв. Не показывают голыми пальцами на одетых людей!) Пальцем / пальцами неприлично показывать.

Все подобные рекомендации, адресованные не ребенку, а взрослым — скажем, на званом обеде — выглядят как коммуникация сверху вниз и могут вызвать переполох.

3.2. Позитивные рекомендации в виде прямых предписаний

Это формулы типа: «Делай так-то!»

Übe dich in Geduld. — (букв. Тренируйся в терпении) Терпение и труд все перетрут.

Sprich Hochdeutsch. — (букв. Говори на правильном немецком языке.) Скажи это по-русски.

Sitz gerade (иногда: Setz dich gerade hin). — (букв. Сядь прямо) Сиди прямо!

Benimm dich. — (букв. Веди себя!) Ишь расхулиганился!

Bügel immer gleich die Wäsche, dann wird der Berg erst gar nicht so gross. — (букв. Белье надо гладить сразу, тогда гора еще будет совсем небольшая) Гладь сразу, не накапливай гору белья. Помимо бытового, это поучение имеет и общежитейский смысл, далекий от буквального: избегай завалов, делай все вовремя.

Vor dem Essen Hände waschen [nicht vergessen]. — (букв. Перед едой руки помыть не забывать!) Перед едой не забудь помыть руки!

Hand vor den Mund [beim Gähnen]. — (букв. Руку перед ртом, когда зеваешь) Прикрывайся, когда зеваешь! Смотри, не проглоти меня!

Wenn der Kuchen spricht, haben die Krümel zu schweigen. — (букв. Когда говорит пирог, крошки должны молчать.) Без сопливых обойдемся.

Probier doch erst mal. — (во время еды, букв. Попробуй же сначала раз!) Да сначала попробуй!

3.3. Позитивные предписания в виде констатации: «Вот так-то должно быть!»

Эти констатации не рекомендуют никаких конкретных действий, а указывают, каким должен быть конечный результат.

Alles zu seiner Zeit. — (букв. Все в свое время.) Всеу свое время.

Wasser auf Obst macht Bauchweh. — (букв. Вода после овощей дает боли в животе) Воду после овощей пить вредно для живота.

Ein Indianer kennt keinen Schmerz. — (букв. фраза из приключенческих романов про американских индейцев: Индейцу незнакома боль.) Но ты же мужчина!

Часто имеем дело с констатацией неотвратимого закона, например:

Kleine Sünden straft der liebe Gott sofort. — (букв. Мелкие прегрешения Боженька наказывает сразу) Бог все видит!

Bei Schluckauf denkt gerade jemand an dich. — (букв. При глотке кто-то о тебе думает) Съешь еще одну ложечку...

Andere Mütter haben auch schöne Söhne / Töchter. — (букв. И у других матерей хорошие сыновья / дочери) Придется тебе подыскать другого друга / друга подругу жизни.

3.4. Рекомендации от противного: «Делай, делай так-то!», имея в виду «... и тогда будет плохо или неправильно»

Wer nicht hören will, muss fühlen. = Dann ist das Geschrei immer gross. — (букв. Если кто не слышит, то должен чувствовать = Тогда поднимется большой крик) А ну-ка хватит! Или ты оглох?

3.5. Вопрос-удивление: «Неужели так делают? Ведь верно-то не так!»

Trägt man das jetzt so? — (букв. Носят это сейчас?) Неужели такое сегодня носят?

Бабушке подобную реплику снисходительно простят, списав все на ее культурную отсталость. Но попробуйте коллегам задать этот риторический вопрос по поводу их гардероба!

3.6. Контролирующий вопрос

Вопрос, который задают, чтобы удостовериться, что сделано все именно так.

Hast du ein Taschentuch eingesteckt? — (букв. Ты засунул носовой платок?) Куда ты дел носовой платок? Где твой носовой платок?

3.7. Констатация аберрации: «Вот так-то и не должно быть!»

Zu viel Fernsehen schadet den Augen. — (букв. Слишком много телевизора вредит глазам) От телевизора (за)болят глаза

Wenn du schielst, bleiben die Augen irgendwann so stehen. — (букв. Если будешь косить, когда-нибудь глаза так и останутся.) Как-нибудь испугают, так и останешься (косой).

Egal ist 88. — (букв. Одинаково только 88) А вот и не все равно! То есть: вмешивайся, когда видишь, что не все в порядке.

Заключение

Выше приведена только небольшая часть материала. Исчерпывающая классификация материала не входила в задачу данной короткой заметки.

Знание чужой культуры связано не только с тем, как говорят в определенных обстоятельствах, но и с тем, что ритуально принято говорить по тому или иному поводу, а что выглядит как креатив. На повышение этого коммуникативного мастерства и направлены приведенные выше поучения.

Сходные истины передаются в двух сопоставляемых культурах в разных формах: там, где по-немецки нечто констатируется как норма, по-русски доходчивее звучит инструкция действовать «так, как тебе говорят». И наоборот.

Литература

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. — 471 с.

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М., 2019. — 351 с.

Чуковский К.И. Живой как жизнь: Рассказы о русском языке. М., 1961. — 256 с.

Benoit P.J. The use of threats in children's discourse // *Language and Society*, 1984. Pt.4. Pp. 305 – 329.

Furth H.G. Beyond societal language: The development of the deaf person // *The sociogenesis of language and human conduct*. New York; London, 1983. Pp. 163 – 171.

Hausendorf H., Quasthoff U. Kinder erzählen, Erwachsene hören zu: Zur entwicklungstheoretischen Integration interaktiver, semantisch-pragmatischer und formaler Beschreibungsaspekte // *Linguistische Berichte*, 1991, Bd.134. S. 253 – 275.

Lieberman Ph. *The biology and evolution of language*. Cambridge (Massachusetts); London, 1984. — 392 p.

Marshall J.C. The biology of communication in man and animal // *New horizons in linguistics*. Harmondsworth, 1970. Pp. 229 – 241.

Ogilvie M. Why do children talk? // *Language and cognition: Essays in honor of Arthur J. Bronstein*. New York; London, 1984. Pp. 241 – 248.

Piaget J. *Le langage et la pensée chez l'enfant: Etudes sur la logique de l'enfant*. 10e éd-n. Paris, 1989. — 215 p.

Radford A. *Syntactic theory and the acquisition of English syntax: The nature of early child grammars of English*. Oxford: Blackwell, 1990. — 311 p.

Saville-Troike M. Children's dispute and negotiation strategies: A naturalistic approach // *The Fergusonian impact: In honor of Charles A. Ferguson on the occasion of his 65th birthday: Vol.1. From phonology to society*. Berlin etc.: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 135 – 152.